

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

Брайан Массуми

АВТОНОМИЯ АФФЕКТА*

Массуми Брайан – профессор. Университет Монреаля. Canada, H2V 2S9, Outremont (QC), 90 Avenue Vincent-D’Indy; e-mail: brian.massumi@umontreal.ca

Эссе Б. Массуми, включенное в его книгу «Parables for the Virtual» («Притчи о виртуальном») в качестве первой главы, посвящено анализу аффекта как теоретико-культурной категории. Опираясь на результаты нескольких научных экспериментов, автор анализирует физиологические проявления аффекта и показывает, что механизм его функционирования невозможно описать в рамках доминирующих в культурной теории семиотических подходов. Между уровнями аффективных реакций тела и лингвистических квалификаций сознания обнаруживается непреодолимый разрыв. Дополняя полученные результаты тематически близкими концепциями А. Бергсона, Ж. Делёза, Ж. Симондона и Б. Спинозы, автор формулирует теорию аффекта, характеризующую его как доиндивидуальную, лингвистически неквалифицируемую, находящуюся в поле эмерджентности, виртуальную, автономную сущность, сопутствующую восприятиям и эмоциям. Такая интерпретация аффекта позволяет автору проанализировать парадоксальные с точки зрения доминирующих теорий культуры политические и медийные эффекты, производимые Р. Рейганом и Б. Клинтон. Применение теории аффекта к этим кейсам позволяет автору продемонстрировать первостепенную важность аффективного для политики постмодерна и определить пути для разработки альтернатив доминирующим способам политической мобилизации аффекта.

Ключевые слова: аффект, Бергсон, Делёз, политика постмодерна, семиотика, Симондон, Спиноза, теория культуры

Для цитирования: Массуми Б. Автономия аффекта / Пер. с англ. Г.Г. Коломийца // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 3. С. 110–133.

I

Человек вылепливает снеговика в своем саду на крыше дома. Под вечерним солнцем снеговик начинает таять. Человек смотрит. Потом он относит снеговика в прохладу гор, и тот перестает таять. Человек прощается и уходит.

* Перевод выполнен по изданию: *Massumi B. Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham; L., 2002. P. 23–45.* Печатается с любезного разрешения автора и издательства. Copyright, 2002, Duke University Press. All rights reserved. Republished by permission of the copyright holder. www.dukeupress.edu

Только визуальный ряд, без слов, очень просто. Это история из короткометражки, которую показывали на немецком телевидении, чтобы заполнить пробелы между передачами. Фильм вызвал жалобы родителей, которые сообщали, что он пугает детей. Это привлекло внимание группы психологов. Проведенное исследование примечательно тем, что ученым не удалось обнаружить его предполагаемый предмет – сознательное мышление (cognition)¹.

Ученые, возглавляемые Гертой Штурм, использовали три версии фильма: оригинал без слов и два варианта с закадровым голосом. Первая озвучка была «фактической» – визуальный ряд дополнялся пошаговым описанием происходящего на экране. Вторую версию назвали «эмоциональной». Она почти не отличалась от фактической, но в ключевых моментах развития действия были добавлены слова, выражающие эмоциональный тон изображаемых событий.

Группы девятилетних детей протестировали на запоминание [содержания фильма] и попросили оценить версию, которую они просмотрели, по шкале «приятности» (pleasantness). Фактическая версия всегда получала наименьшую оценку и запомнилась детьми хуже всего. Наиболее приятной оказалась оригинальная версия без слов, которая лишь ненамного опережала эмоциональную. Последняя оказалась наиболее запоминающейся.

Это уже вызывает некоторое замешательство. Нечто более странное произошло, когда участников исследования попросили оценить отдельные сцены из фильма по шкале «радостно-грустно» и «приятно-неприятно». «Грустные» сцены оценили как наиболее приятные – чем грустнее, тем лучше.

Немедленно напрашивается предположение о том, что происходит некий не по годам ранний антифрейдистский протест, когда дети оценивают любое возбужденное состояние как приятное. Однако, поскольку исследование было эмпирическим, участников исследования подключили к аппаратуре, их физиологические реакции регистрировались. Фактическая версия вызывала наиболее выраженное возбуждение при том, что ее оценили как наименее приятную (т.е. как «радостную») и запомнили хуже всего. Оказывается, дети находились в состоянии психологического раскола: фактичность увеличивала скорость сердцебиения и глубину дыхания, оригинальная невербальная версия вызывала наибольшую реакцию кожи. Эффект возбуждения, выражавшийся через дыхание и сердцебиение, угасал при повторном воспроизведении фильма, но кожная реакция оставалась настолько же выраженной. Кожно-гальваническая реакция служит мерой автономной активности организма.

Исследователи, судя по тону их доклада, были удивлены полученными результатами. Они установили, что различие между грустью и радостью совсем не такое, как предполагалось, и, кроме того, были обеспокоены, поскольку различие между детьми и взрослыми тоже оказалось совсем не таким, как предполагалось (судя по исследованиям запоминания взрослыми новостных передач). Единственный положительный вывод исследования – *превосходство аффективного* в восприятии образов.

Принимая и развивая этот вывод, можно отметить, что превосходство аффективного отмечено разрывом между *содержанием* (content) и *эффектом* (effect): кажется, сила или длительность эффекта образа не имеет никакой прямой логической связи с его содержанием. Но это не значит, что связь

¹ Sturm H. Emotional Effects of Media. Montreal, 1987. P. 25–37.

и логика отсутствуют. Содержание образа здесь понимается как его указание на конвенциональные значения в интерсубъективном контексте, его социолингвистическая квалификация. Это указание фиксирует определенные качества (qualities) образа; силу и длительность его эффекта можно назвать *интенсивностью* (intensity). Оказывается, между качествами и интенсивностью невозможно надежно установить отношение соответствия или согласованности. Если между ними существует какая-либо связь, то она устанавливается по-другому.

Переведем это негативное наблюдение в позитивное: восприятие образа включает множество или, по крайней мере, два уровня. Реакция [на образ] распределяется по двум системам. На уровне интенсивности происходит короткое замыкание семантических проводов: здесь грусть приятна. Этот уровень интенсивности организован в соответствии с логикой, которая нарушает закон исключенного третьего. То есть она не подчинена семантическому или семиотическому порядку. Интенсивность не устанавливает различия. Вместо этого она неуловимо, но настойчиво соединяет то, что обычно отмечается как раздельное. Когда ей предлагают обозначить себя, она делает это в форме парадокса. Существует разделение между порядком означающих и интенсивностью, выстраивающей иной порядок соединения параллельно с первым. Разрыв, отмеченный выше, возникает не только между содержанием и эффектом. Он также отделяет форму содержания – сигнификацию как конвенциональную систему определенных различий – от интенсивности. Разрыв между формой/содержанием и интенсивностью/эффектом не просто негативен: он также делает возможным соединение иного рода, другое различие, существующее параллельно.

Оба уровня, интенсивность и квалификация, имеют непосредственные воплощения. Интенсивность выражается в исключительно автономных реакциях, наиболее явным образом проявляющихся в коже – на поверхности тела как границе его раздела с вещами. Глубокие реакции принадлежат скорее к уровню формы/содержания (квалификации), несмотря на то, что они тоже связаны с автономными функциями, такими как сердцебиение и дыхание. Возможная причина заключается в том, что глубокие реакции связаны с предвосхищением (expectation) событий, которое требует от субъекта сознательного размещения себя на непрерывной линии нарратива. Модуляции сердцебиения и дыхания отмечают отток сознания в автономные глубины, сопровождающийся подъемом автономного в сознание. Эти реакции представляют собой смесь сознания и автономности, меру их участия друг в друге. Интенсивность находится за пределами этой петли, как бессознательное, никогда-не-сознаваемый, автономный остаток, который находится за пределами предвосхищения и адаптации, настолько же отделенный от порядка значений, от повествования, насколько и от жизненной функциональности. Интенсивность лишена своего места в нарративе, она распространяется по обобщенной поверхности тела как побочный отголосок переплетения функции и значения, перемещаясь вертикально между сердцем и головой.

Язык, несмотря на свою прямолинейность, не просто находится в оппозиции к интенсивности, он также выполняет по отношению к ней функцию установления различий. Фактическая версия истории о снеговике произвела успокаивающий эффект. Сухая фактичность снижает интенсивность. В нашем случае сухая фактичность заключалась в удвоении последовательности образов повествованием, выражающем в объективной манере интерпретацию

движений на экране с точки зрения здравого смысла и общепринятых значений, насколько это возможно. В результате возникало искажение эффекта образов. В эмоциональной версии были добавлены несколько фраз, которые акцентировали линию повествования квалификациями эмоционального содержания, противопоставленными объективному содержанию повествования. Эффект образов усиливался квалификациями эмоционального содержания, как если бы они вступали в резонанс с уровнем интенсивности, не искажая ее. Эмоциональная квалификация на мгновение прерывает непрерывность повествования, чтобы зафиксировать [переживаемое] состояние – фактически, повторно зафиксировать состояние, которое уже пережито, поскольку кожа [действует] быстрее, чем речь.

Отношение между уровнями интенсивности и квалификации – не согласованность или соответствие, а скорее резонанс и искажение, усиление или приглушение. Языковое выражение может вступать в резонанс с интенсивностью и усиливать ее, теряя при этом собственную функциональную значимость и становясь избыточным (*redundant*). С другой стороны, когда квалификация удваивает последовательность движений, прибавляет к ней смысл развития событий – в данном случае это более-менее определенное предвосхищение, указание на то, что должно следовать в конвенциональном представлении о ходе действия, – тогда квалификация противопоставляется интенсивности и снижает ее. Интенсивность, похоже, связана с нелинейными процессами: резонанс и обратная связь, которые мгновенно отсрочивают линейное развитие повествования от прошлого к будущему. Интенсивность можно квалифицировать как эмоциональное состояние, и это состояние – шум во временной статике и нарративе. Это состояние отсрочки (*suspense*), потенциально – разрыва. Когда мы осознаем его или описываем, оно похоже на временную впадину, дыру во времени. Его нельзя назвать пассивным, поскольку оно наполнено движением, вибрациями, резонансом. И в то же время, это не активность, поскольку такое движение невозможно направить (даже символически) на практическую цель в мире определенных объектов и задач (даже на экране). Конечно, в других контекстах квалификация эмоции как таковая становится элементом повествования, который развивает действие, размещенное на социально приемлемых линиях воздействия и реакции. Но в таких случаях возможность резонанса с интенсивностью тем меньше, чем более выражена такая функция квалификации. Резонанс возникает ровно в той степени, в какой он становится избыточным по отношению к нарративной или функциональной линии.

В любом случае, язык удваивает поток образов на другом уровне, в другом ряду. Наравне с избыточностью резонанса, которая активизирует и усиливает (производит разъединение, порождая иной род соединения), существует избыточность обозначения, которая снимает напряжение и переводит в линейную форму (внедряет петлю обратной связи между витальной функцией и значением на линии социально одобряемых воздействий и реакций). Либо язык попадает в совершенно разные порядки, в зависимости от того, какую форму избыточности он производит, либо он всегда производит обе формы в большей или меньшей мере – два языка, два измерения любого высказывания: одно – внелинейное, другое – линейное. Всякое событие происходит на обоих уровнях – и между обоими уровнями, как их совместный резонанс, образующий большую систему из двух взаимодействующих подсистем, построенных по совершенно различным правилам. Для большей

ясности лучше дать двум половинам события разные названия. В этом случае *отсрочка* может быть отделена и связана с *предвосхищением* как внелинейное и линейное измерения того же самого образа-события, который одновременно будет и выражением-событием.

Осмысление образа в его отношении с языком будет незавершенным, если оно оперирует только на семантическом или семиотическом уровне в любом из его определений (лингвистическое, логическое, нарратологическое, идеологическое или сочетание их всех в символическом). Все эти подходы упускают, в частности, *событие* выражения – заменяя его структурой. Теория культуры может существенно выиграть, если в ней откроется измерение интенсивности. Выигрышем будет возможность осмысления нового. Ведь структура – это место, где никогда ничего не происходит, это рай объяснений, в котором все событийные преобразования заранее определены заверренным набором неизменных порождающих правил. В событии нет ничего предопределенного. В нем структурные различия уничтожаются, порождая интенсивность, правила производят парадокс. Отсрочка инвариантов заставляет радостное радоваться, грустное грустить, функцию функционировать, а значение – означать. Возможно ли, что новое возникает, когда предвосхищение отсрочивает эту отсрочку? Эхо несводимого излишка, безвозмездное усиление словно надстраивается над развитием действия, принося в линии воздействия и реакции тона непредвиденности, параллельности, беспричинности. Изменение правил. Выражение-событие – это система невыразимого: возникновение в системе регенерации (воспроизводства структуры) элемента, который противостоит ей. В случае снеговика непредвиденное и невыразимое в полученных результатах было связано с различиями между радостью и грустью, детьми и взрослыми; все эти различия оказались не такими, как предполагалось; к большому сожалению нашей науки – изменение правил. Интенсивность невозможно присвоить.

В рамках настоящего исследования будем считать интенсивность и аффект тождественными. В теории медиа, литературы и искусства зарождается интуиция о том, что аффект играет ключевую роль для понимания нашей позднекапиталистической культуры, основанной на информации и образе; считается, что в ней так называемые большие нарративы потерпели крах. Невзирая на [заявления] Фредерика Джеймисона, многие потеряли веру, но не потеряли аффект. Наше состояние характеризуется, прежде всего, его избытком. Проблема в том, что в культурной теории нет словаря для описания аффекта². Весь наш словарь является производным от теорий сигнификации, которые все еще состоят в браке со структурой, несмотря на все неприемлимые разногласия (постструктурализм как развод – временный или постоянный?). В отсутствие философии аффекта без означающего старые психологические категории могут воскреснуть и отменить масштабную ра-

² Тезис об угасании аффекта из классического эссе Джеймисона о постмодернизме убедительно ставит вопрос об аффекте в теории культуры. См.: *Jameson F. The Cultural Logic of Late Capitalism // Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham (NC), 1991. P. 1–54.* Самое последовательное и плодотворное исследование аффекта из опубликованных в ходе последовавшего обсуждения: *Grossberg L. We Gotta Get Out of This Place: Popular Conservatism and Postmodern Culture. N.Y., 1992.* Настоящее эссе по многим пунктам поддерживает Гроссберга, включая убежденность в том, что аффект не угасает, а распространяется повсеместно. Расхождения с точкой зрения Гроссберга будут указаны в последующих примечаниях.

боту по деконструкции, проделанную постструктуралистами. Аффект чаще всего используют как синоним эмоции³. Но один из главных выводов первой истории заключается в том, что эмоция и аффект – если мы отождествляем его с интенсивностью – следуют разным логикам и принадлежат к разным порядкам.

Эмоция – это субъективное содержание, социолингвистическое закрепление качества опыта, которое отныне определяется как личное. Эмоция – это квалифицированная интенсивность, конвенциональная, общепринятая точка внедрения интенсивности в семантически и семиотически оформленные последовательности, в замкнутые циклы воздействий и реакций, выражаемые в повествовании, функции и значении. Эмоция – это приватизированная и распознанная интенсивность. Критически важно теоретически осмыслить различие между аффектом и эмоцией. Если у кого-нибудь возникает впечатление, что аффект потерял силу, то только потому, что он не был квалифицирован. Как таковой, он не может быть присвоен или распознан, и, следовательно, он сопротивляется [культурной] критике.

Нельзя сказать, что в философии не было прецедентов, на которые можно было бы опереться. Скорее, это просто нетипичные источники для исследований литературы и культуры. В философии есть значимый предшественник высказанных ранее тезисов: о различии по природе между аффектом и эмоцией; о несводимости телесной и автономной природы аффекта к чему-либо другому; об аффекте как отсрочке циклов воздействия-реакции и линейного времени внутри провала, который следует называть «страстью», чтобы отделить его и от пассивности, и от активности; об отождествлении аффекта и эффекта; и о форме/содержании общепринятого дискурса как отдельном слое, противопоставленном полному проявлению аффекта, его утверждению и положительному развитию, его выражению как такового и ради самого себя. Все эти тезисы можно подписать именем Баруха Спинозы. И заглавие его ключевой работы – *Этика* – указывает на назначение проекта по осмыслению аффекта⁴.

³ Гроссберг часто соскальзывает в отождествление аффекта и эмоции. Здесь аффект рассматривается как первичный по отношению к количеству, и, следовательно, его нельзя считать инвестированием, а качественно он – источник заботы (*Grossberg L. Op. cit. P. 82*). Это делается, чтобы избежать возможной ловушки – утверждения, что аффект лишен формы и структуры, хода, который, по мнению Гроссберга, делает анализ невозможным. В данном эссе утверждается, что аффект, безусловно, не имеет ни формы, ни структуры, но при этом он обладает высокой степенью организации и может быть проанализирован (он не полностью удерживается познанием, но, в конечном счете (*in effect*), возможен анализ его эффекта). Ключевой момент заключается в том, что форма и структура – не единственные возможные режимы различия. Здесь аффект рассматривается как первичный по отношению к количеству и, следовательно, не может быть разновидностью инвестирования. (Если будет корректно искать аналогии в области термодинамики, то можно сказать, что здесь пойдет речь не о классической, а о квантовой термодинамике, далекой от состояния равновесия – но об этом позже.)

⁴ У Спинозы общепринятый дискурс обозначается как «общие понятия» (понятия классификации, которые приписывают вещам характеристики их структурных свойств и подчиняются закону исключенного третьего) и «трансцендентальные термины» (телеологические понятия, объясняющие вещь через отсылку к началу или цели, каким-либо образом проявляющимся в ее форме): *Spinoza B. Ethics // Spinoza B. Collected Works. Vol. 1. Princeton, 1985. P. 475–477 (II P40 S1)*.

II

Еще одна история, на этот раз – о мозге: загадка пропавшей половины секунды.

Участниками ряда экспериментов стали пациенты, в кору головного мозга которых в медицинских целях были имплантированы электроды. Слабые электрические импульсы подавались на электроды и на участки кожи. В обоих случаях стимуляция воспринималась только когда ее длительность превышала 0,5 секунды: полсекунды, минимальный шаг восприятия. Если электрод в мозге включали за половину секунды до раздражения кожи, пациенты отмечали, что первым почувствовали импульс на коже. Исследователи пришли к заключению, что ощущение предполагает «обратную отсылку во времени» – иными словами, ощущение изначально организовано рекурсивно, а затем представляется в линейной форме перед тем, как оно будет перенаправлено вовне, чтобы принять участие в цепи сознательных воздействий и реакций. Мозг и кожа образуют резонирующий сосуд. Стимуляция обращается вовнутрь, вкладывается в тело, только в теле нет ничего внутреннего, потому что оно радикально открыто, оно впитывает импульсы быстрее, чем их можно воспринять, и, следовательно, вибрирующее событие оказывается целиком бессознательным, «из ума вон». Затем эта аномалия ретроспективно корректируется таким образом, чтобы подпадать под требования непрерывности, линейности и причинно-следственной связи, выдвигаемые сознанием⁵.

Чем заполнена эта пропавшая половина секунды? Некоторые подсказки дает второй эксперимент.

Мозговая активность здоровых добровольцев фиксировалась электроэнцефалографом (ЭЭГ). Участников эксперимента просили сгибать палец, когда они захотят, и запоминать время принятия решения по позиции перемещающейся по кругу точки. Сгибание происходило через 0,2 секунды после принятия решения, но ЭЭГ регистрировал выраженную мозговую активность за 0,3 секунды до принятия решения. Снова отмечаем промежуток в полсекунды между событием в теле и его завершением в направленном вовне, активном выражении.

На предложение поразмышлять о следствиях всего этого для теорий свободной воли ученый Бенджамин Либет ответил, что «мы можем проявлять свободу воли не через наши намерения, а через их запрет, согласие с ними или иную реакцию на них»⁶.

Иными словами, половина секунды пропущена не потому, что это время ничем не занято, а потому что оно переполнено, избыточно по отношению к выполненному действию и приписанному ему значению. Воля и сознание *взаимовычитаемы*. Это *ограничивающие, производные* функции, которые упрощают сложность, слишком насыщенную для функционального

⁵ Ретроспективный характер приписывания линейной причинности и логического следования проанализирован Анри Бергсоном под названием «возвратного движения истины». См.: *Bergson H. Creative Mind*. N.Y., 1946. P. 27–28, 107–125.

⁶ Цит. по: *Horgan J. Can Science Explain Consciousness?* // *Scientific American*. 1994. Vol. 271. No. 1. P. 76–77. Также см.: *Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action* // *Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8. Issue 4. P. 529–566. В приложении к эссе Либета есть обширная подборка результатов полевых исследований.

выражения. Следует, в частности, отметить, что на протяжении загадочной половины секунды то, что мы называем «свободными», «высшими» функциями, такие как воля, очевидным образом выполняются автономными, «телесными» реакциями в мозге, но за пределами сознания, и, кроме того, между мозгом и пальцем, но до действия и выражения. Целеполагание по необходимости сопровождается и поддерживается его осознанием (cognition). Возможно, исследователи снеговика из первой истории не смогли найти мышление потому, что они искали не в том месте – в «разуме», а не в теле, активность которого они фиксировали. Разговор об интенсивности неизбежно приводит к возражению: такое представление включает отсылку к дорефлекторной, романтически незамутненной, реальности примитивного богатства опыта – элементу природы в нашей культуре. Но речь идет не об этом. Во-первых, нельзя назвать опытом что-либо происходящее вне сознания, в теле, непосредственно поглощающем свое внешнее. Во-вторых, воля, познание и, возможно, другие «высшие» функции обычно локализуют в сознании, понимаемом как загадочное вместилище ментальных сущностей, непонятным образом отделенных от тела и мозга, но в нашем случае эти функции присутствуют либо действуют в этой уже не такой незамутненной реальности. Резонанс предполагает обратную связь. «Высшие функции» переводятся из области квалифицированной формы/содержания (в которой определенные, способные к самовыражению личности взаимодействуют в соответствии с общепринятыми циклами воздействий-реакций, следуя при этом линейному времени) в область интенсивности и рекурсивной причинности. Тело не просто поглощает импульсы отдельных стимуляций, оно вкладывает в себя *контексты*, определения воли и познание, которые ни в коей мере не автономны. Интенсивность находится за пределами общественного, но и не предшествует ему – она *включает* социальные составляющие, но смешивает их с сущностями, принадлежащим к иным уровням функционирования, и соединяет их в соответствии с иной логикой. Почему так? Только потому, что *след* прошлых действий, *включая след их контекстов*, сохраняется в мозге и в плоти, но за пределами сознания и тела, понятых как квалифицируемые интериорности, активная и пассивная соответственно, дух как таковой и косная материя. Только потому, что прошлые действия и контексты сохранялись и повторялись, автономно воспроизводились, но не выполнялись, начинались и не завершались. Интенсивность – это зарождение (incipience), зарождающееся действие и выражение. Но интенсивность – не только зарождение. Она также запускает отбор: зарождается множество взаимоисключающих путей действия и выражения, но впоследствии все, кроме одного, будут подавлены, не смогут полностью актуализироваться. Толпа претендентов на актуализацию стремится к завершению в новом контексте отбора. Эта новизна означает, что зарождение не может быть только сохранением и воспроизведением прошлого – это зарождение *тенденций*, т.е. прошлого, открывающегося непосредственно в будущее без настоящего. Ведь настоящее потеряно вместе с половиной секунды, проходящей слишком быстро, чтобы ее можно было воспринять и чтобы она вообще случилась.

Это требует переработки нашего способа мышления о теле. То, что происходит слишком быстро, чтобы случиться, фактически, *виртуально*. Тело настолько же виртуально, насколько и реально. Виртуальное, эта напирющая толпа зарождений и тенденций, представляет собой сферу *потенциального*. В потенциальном будущем непосредственно соединяется с минувшим,

внешнее вложено, грусть радостна (потому, что побуждение к действию и выражению – это и есть жизнь). Виртуальное – проживаемый парадокс, в котором сосуществуют, сливаются, соединяются противоположности, в котором то, что не воспринимаемо (experienced), невозможно не ощутить (feel) – пусть даже в упрощенной или ограниченной форме. Ведь из этого напиряющего множества возникнет единичное действие или выражение, которое будет зафиксировано сознанием. Безличное «воление» к возникновению, квалификации, к приобретению социолингвистического значения, к включению в линейные цепи воздействий-реакций, к превращению в содержание чьей-нибудь жизни – через подавление.

Поскольку виртуальное не проживается даже в тот момент, когда происходит, можно помыслить его как форму надлинейной абстракции, которая не подчиняется закону исключенного третьего, отличается по организации от конкретного действия и выражения тела, но неотделима от него. Тело настолько же абстрактно, насколько и конкретно; его действия и выражения на своей оборотной стороне словно развоплощаются в бестелесное, но при этом совершенно реальное измерение напиряющих потенциалов.

Философ Анри Бергсон – предшественник многих из этих положений: мозг как центр неопределенности; сознание как вычитание и подавление; восприятие как попытка вкладывания развернутых действий, выражений и их контекста (situatedness) в измерение интенсивности или, иными словами, интенционал, противопоставленный экстенционалу; непрерывное удвоение реального тела в измерении интенсивности, понятом как внелинейная, сверхабстрактная сфера потенциального; присущая этой виртуальной сфере особенная структура времени, в рамках которой прошлое и будущее соприкасаются без опосредующего их настоящего, а причинность выстраивается особенным, рекурсивным образом; виртуальное, достигающее полной силы в начальном пространстве эмердженции, где полуактуальные действия и выражения вздымаются, подобно волнам, бóльшая часть которых немедленно возвращается в море⁷.

Бергсона, вероятно, можно прочесть в паре со Спинозой. Одно из его базовых определений аффекта – это «состояние тела (corporis affectiones) [иными словами, нечто захватывает тело, овладевает им. – Б.М.] и в то же время идея этого состояния»⁸ (курсив мой. – Б.М.). Все это кажется подозрительно похожим на Бергсона, если учесть, что «захваченное» тело описывается Спинозой как заполненное отсрочками-страстями, как существующее скорее вовне самого себя, скорее в отвлеченной (abstracted) деятельности действующей [на тело] вещи, и отвлеченном контексте действия, чем внутри себя, и, если к тому же учесть, что идея, о которой идет речь, – не только не находится в сознании, но и никоим образом не принадлежит «разуму».

По Спинозе, идея достигает уровня отражения в сознании, когда идея состояния удваивается идеей идеи этого состояния (affection)⁹. Отражение в сознании – это самопроизвольное складывание идеи пополам, само-рекурсия идеи, которая опосредованно (at two removes) поглощает состояние или

⁷ См., в частности: Bergson H. *Matter and Memory*. N.Y., 1988.

⁸ Spinoza B. *Ethics*. P. 493. Рус. пер. с лат. Н.А. Иванцова: *Спиноза Б. Сочинения*: в 2 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 335. – Прим. пер.

⁹ Здесь и далее affection переводится как «состояние», чтобы сохранить соответствие с переводом Спинозы Н.И. Иванцова. – Прим. пер.

захваченность тела. Ведь она уже однажды была опосредована телом. Последнее вкладывает в себя *эффект* захвата: оно сохраняет саму захваченность за вычетом вещи, захваченность абстрагируется от реального действия, спровоцировавшего ее, и реального контекста этого действия. Эта идея первого порядка спонтанно производится телом: состояние немедленно удваивается воспроизводимым следом встречи [тел], «формой» встречи, в терминологии Спинозы (вкладывание, или контракция, контекста – в терминологии этого эссе). Этот след определяет если не стремление, то потенцию телесного состояния (*impingement*) к автономному повторению и вариации. Отражение в сознании – самопроизвольное складывание этой подвижной абстракции пополам. Порядок соединения таких подвижных абстракций между собой на их собственном уровне называется разумом. Вторичная автономная тенденция, полученная от тела, возводится в более высокую степень, становясь деятельностью разума. Сознание и тело представляются как два уровня воспроизведения того же образа/выражения различными, но параллельными друг другу способами, постепенно восходящими от конкретного к бестелесному, ориентированными относительно общего отсутствующего центра, превратившегося в призрак (и потенциал) – встречи. Этика Спинозы – это философия становления – активного, параллельного, сознательного и телесного, берущего начало в страстях, в захваченности, в такой чистой и продуктивной восприимчивости, что она может быть осмыслена как третье состояние, исключенное третье, первичное по отношению к разделению между активным и пассивным – аффект. Это «начало» никогда не остается позади, оно двоятся, подобно тени, которую почти удается воспринять и в то же время невозможно не ощутить – через эффект (*in effect*)¹⁰.

В другом, но комплементарном, определении Спиноза характеризует разум и тело как различные порядки соединения, различные режимы движения и покоя, которые его мышление совмещает таким образом, что возникают сходства с теориями виртуальности и движения Бергсона.

Жиль Делёз заново открыл пути к этим авторам, но он никогда не соединял их напрямую. Его работы и тексты вышеупомянутых философов можно прочесть в свете современных теорий сложности и хаоса¹¹. И тогда все сведется к вопросу *эмердженции*, которая находится в центре разнообразных естественно-научных теорий, связанных с идеей самоорганизации (спонтанного производства уровня реальности с собственными правилами формирования и порядком соединений). Аффект или интенсивность в нашем изложении напоминает так называемую критическую точку или точку бифуркации, или точку сингулярности из теории хаоса и теории диссипативных структур. Так обозначают поворотный момент, когда физическая система парадоксальным образом заключает в себе множество взаимоисключающих потенциалов, из которых система «выбирает» только один. «Фазовое пространство» можно понимать как диаграмму виртуального. Организация множества уровней, которые наделены разными логиками

¹⁰ «In effect» также можно перевести как «в результате», «в конечном итоге». – *Прим. пер.*

¹¹ В последней книге Феликса Гваттари рассматриваются пересечения между его самостоятельными и написанными в соавторстве с Делёзом работами с одной стороны и теорией хаоса – с другой: *Guattari F. Chaosmosis: An Ethico-Aesthetic Paradigm*, tr. Paul Rains and Julian Pefanis. Bloomington, 1995.

и темпоральными организациями, но замкнуты в резонанс друг с другом и воспроизводят одно событие разными способами, наводит на мысль о фрактальной онтологии и нелинейной причинности, лежащих в основе теорий сложности.

Эти уровни можно умножать до бесконечности – уже упомянутые сознание и тело, но также воля и сознание, по меньшей мере два порядка языка, предвосхищение и отсрочка, глубины тела и эпидермис, прошлое и будущее, стимул и реакция, радость и печаль, покой и возбуждение, пассивность и активность и т.д. Все это можно рассматривать не как бинарные оппозиции или элементы противоречия, но как резонирующие уровни. Аффект – это точка их совместной эмерджентности в их действительной специфике и одновременно – точка их растворения в сингулярности, в виртуальном сосуществовании и соединении, в тени, отбрасываемой каждым образом/выражением – событием. Сфера интенсивности, которую пытается концептуализировать философия Делёза, трансцендентальна (не дана непосредственно в опыте), но не трансцендентна (не выходит за пределы опыта). Она имманентна опыту – всегда при нем, но никогда в нем. Интенсивность и опыт сопутствуют друг другу как два предполагающих друг друга измерения или как две стороны монеты. Интенсивность имманентна материи и событиям, сознанию и телу, и любому из уровней бифуркации, из которых построено все перечисленное, и которым все перечисленное дает начало. Следовательно, интенсивность невозможно не ощутить в ее эффекте (*in effect*) – разрастании уровней организации, которые она безостановочно порождает, производит и воспроизводит, в каждом отсроченном мгновении. Философия Делёза – это точка, в которой трансцендентальная философия превращается в философию имманентности, а эмпиризм – в этический эксперимент. Кантовский императив, предназначенный для понимания условий возможного опыта как бы снаружи и сверху, становится приглашением к воспроизведению, повторению и усложнению базального уровня реальных условий *эмерджентности* – не категорического, но неподвластного категоризации, неусвояемого, (не)ощутимого (*never-yet felt*), прочувствованного за полсекунды вновь и одновременно как впервые. Кант встречается со Спинозой там, где эмпиризм становится прагматическим, превращаясь в родовспоможение при изобретении нового – без потери сил абстракции или индукции. Напротив, обе силы возрастают. Но теперь абстракция синонимична с высвобождением потенциала, а не с его вычитанием. Смысл индукции также изменяется – она запускает процесс усложняющейся самоорганизации. ИмPLICITная этика этого проекта сводится к присоединению ценности – без основания, только по желанию – к умножению степеней существования, к вечно расходящимся режимам действия и выражения.

Обратная связь (Отступление)

Обратное воздействие элементов «более высоких» уровней организации на уровень эмерджентности – ключ к переосмыслению аффекта. Специалист по философии науки Жильбер Симондон обнаруживает эти процессы даже на физическом уровне, где «зародыши» (*germs*) форм присутствуют в эмерджентном измерении наравне с бесформенными элементами, такими как тропизмы (аттракторы), распределения потенциальной энергии (градиенты,

характеризующие метастабильность) и нелокализованные отношения (резонанс). Согласно Симондону, измерение эмерджентности, которое он называет «доиндивидуальным», невозможно истолковать в терминах формы, несмотря на то, что в него вложены ее «зародыши». Эмерджентность можно проанализировать только как непрерывное, но в высшей степени дифференцированное, *поле*, которое находится «вне фазы» оформленных сущностей (т.е. имеет топологию и порядок причинности, отличные от «индивидов», возникающих из этого поля и возвращающихся в него)¹². Зародышевую или «имплицитную» форму нельзя понимать как геометрические очертания или структуру. Скорее это связка потенциальных функций, локализуемых в виде выделяющейся области внутри большего поля потенциального. По мере того как эти области смещаются по отношению к другим, с которыми они находятся в напряжении, в каждой из них намечаются и сразу же стираются очертания или структура. В турбулентном супе вихрящихся потенциалов возникает нечто вроде пузырьков структуризации. Области разделены скорее подвижными зазорами (thresholds), чем границами (boundaries). Симондон называет области потенциала «квантами», даже в тех случаях, когда они проявляются на макрофизическом уровне или уровне человека – отсюда и отсылки к атомам¹³. Упомянутые «области» настолько же абстрактны, насколько и актуальны, в том смысле, что они не определяют ограниченные пространства, а скорее являются подвижными различиями в открытом поле, характеризующемся воздействием его составляющих (аттракторы, градиенты, резонанс) друг на друга на расстоянии. Края области и всего поля (Вселенной) определяются дальностью совместного действия их элементов. Края в данном случае не будут очерчены четко, скорее их можно представить как постепенное, бесконечное угасание. Это поле открыто в том смысле, что для него не существует внутреннего и внешнего. Оно предельно и беспредельно.

«Имплицитная» форма – это связывание потенциальных функций, вкладывание или контракция потенциальных взаимодействий (интенционалов). Реализация этих потенциалов предполагает *раскладывание* (unfolding) в трехмерном пространстве и линейном времени – протяженность как актуализация, актуализация как выражение. Угасание, о котором говорилось выше, осуществляется в выражении. *Пределы поля эмерджентности – это его реальное выражение*. Имплицитную форму можно помыслить как присутствие суммы взаимодействий вещи, за вычетом самой вещи, в ее эффекте. Вещь как измерение реального становится независимой от своих отношений. Это *высвобождение отношений* – условие возможности обратного воздействия функции «более высокого» уровня. Повторимся, эмерджентность – это двусторонняя монета: одна сторона в виртуальном (автономия отношений), другая – в реальном (функциональное ограничение). То, что в данном эссе называется аффектом, оказывается именно такой двусторонностью, одновременным участием виртуального в реальном и реального в виртуальном, по мере того, как одно возникает из другого и возвращается

¹² См.: *Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique*. Paris, 1964, в особенности главу 2 (анализ химии кристаллов). На протяжении всей своей работы Симондон производит далекоидущую критику понятий формы и структуры в философии, естественных и социальных науках.

¹³ *Simondon G. L'individuation psychique et collective*. Paris, 1989. P. 99.

в него. Аффект и есть эта двусторонность *с точки зрения реальной вещи*, выраженная в восприятиях и мыслях. Аффект – это *виртуальное как точка зрения* (при условии, что визуальная метафора используется с достаточной осторожностью). Ведь аффект – синэстетическая сущность, предполагающая участие нескольких чувств друг в друге: мера потенциалов взаимодействия живого существа определяется его способностью переводить аффекты из одного сенсорного режима в другой. Осязание и зрение – очевидные, но ни в коем случае не единственные примеры; интроцепция и, в особенности, проприоцепция также играют ключевую роль. Аффекты – это *виртуальные синэстетические перспективы*, укорененные в реально существующем, в единичных вещах, которые их воплощают (функционально определяют). Автономия аффекта – это его участие в виртуальном. *Его автономия – это его открытость*. Аффект настолько же автономен, насколько он освобождается от заключения в конкретном теле, для которого он становится витальностью, или потенциалами взаимодействия. Оформленные, квалифицированные, размещенные восприятия и мысли выполняют функции реальной связи или блокирования – это фиксация и замыкание аффекта. Эмоция – это самое интенсивное (в наибольшей степени контракционное) выражение этой *фиксации* (capture) – и того факта, что нечто всегда, с неизбежностью остается на свободе. Нечто остается неактуальным, неуловимым любой *частной*, функционально определенной перспективной, но в то же время и неотделимым от нее. Вот почему все эмоции в той или иной степени сбивают с толку, и их традиционно описывают как выход из себя, до такой степени, что этот «сам» оказывается в непосредственном и непередаваемом соприкосновении с собой и своей витальностью. Если бы не было ускользания на свободу, избытка или остатка, бесконечного угасания, вселенная лишилась бы потенциалов, стала чистой энтропией, смертью. Реально существующие, структурированные вещи живут в том и посредством того, что освобождается от них. Их автономия – это автономия аффекта.

Высвобождение аффекта *невозможно не ощутить* как дополнение к восприятиям, фиксирующим его. Это побочное восприятие может быть точечным, размещенным в событии (например, внезапном осознании того, что радость и грусть – не такие, как предполагалось). Когда событие точечно, его, как правило, описывают в негативных терминах, таких как *шок* (внезапное прерывание функций действующей связи)¹⁴. Но оно может быть и непрерывным, фоновым восприятием, сопровождающим любое, даже самое обыденное, событие. Когда непрерывность высвобождения аффекта выражается в словах, возникают в основном позитивные коннотации. Ведь это не что иное, как *восприятие собственной витальности*, чувство жизни, изменчивости (часто именуемой свободой). «Чувство жизни» – это непрерывное,

¹⁴ Здесь можно провести параллель с работой Вальтера Беньямина о шоке и циркуляции образов. Сьюзен Бак-Морсс цитирует отрывки из «Проекта “Пассажи”» Беньямина о «монологической структуре» и «диалектических образах». Эта структура – «силовое поле», проявляющее нелинейную темпоральность (конфликт между непосредственно общающимися «пред-историей» и «пост-историей», пропускающими настоящее, без которого, тем не менее, противостояние между ними было бы невозможным: «чтобы момент прошлого отозвался на актуальность настоящего, между ними не должно быть связи» (цит. по: *Buck-Morss S. Dream-World of Mass Culture: Walter Benjamin's Theory of Modernity and the Dialectics of Seeing // Modernity and the Hegemony of Vision. Berkeley, 1993. P. 312*).

неосознанное самовосприятие (неосознанное самоотражение или прожитая самореференциальность). Восприятие этого *самовосприятия*, его именованное и осознание делает возможным анализ аффекта – в той степени, насколько возможно построение словаря для описания того, что невосприимчиво, но чье освобождение от восприятия невозможно не ощутить, пока мы живы¹⁵.

Симондон отмечает эту связь между самоотражением и аффектом. Он даже распространяет способность самоотражения на всех живых существ – хотя трудно понять, почему результаты анализа не побуждают философа охватить все сущности, как живые, так и неживые¹⁶. (Разве резонанс – не род самоотражения?) Можно вычитать эту операцию и у Спинозы, в его определении идеи аффекции как следа – который порождает свои отголоски. Или даже более радикально: с его точки зрения, идеи сохраняют наиболее адекватное (в наибольшей степени самоорганизованное) выражение не в нас, но в разуме Бога. Однако Спиноза тут же определяет Бога как Природу (включающую в себя человека, искусственное, изобретенное). Делёз же намерен избавиться от Бога. Признак его философии, наиболее четко отделяющий его от современников, – представление о том, что идеальное – это измерение материи (также включающей человека, искусственное, изобретенное)¹⁷.

Различие между живым и неживым, биологическим и физическим заключается не в наличии или отсутствии отражения, а в его непосредственности (*directness*). Наш мозг или нервная система осуществляют высвобождение отношений внутри интервалов инфра-восприятия, несмотря на то, что эта операция появляется из восприятия и возвращается в него. У более примитивных существ высвобождение осуществляется через распределенные по всему организму сети интероцептивных и экстероцептивных рецепторов, чьи импульсы не сосредоточены в мозге. Медуза, можно сказать, тождественна своему мозгу. У всех живых существ автономизация отношений осуществляется центром неопределенности (локализованной или распределенной по всему организму функции резонанса, которая выводит причинность из линейной траектории, чтобы ввести ее обратно, поменяв ее направление: от восприятия к реакции). На фундаментальном физическом уровне нет таких посредников¹⁸. Пространство физической непосредственности виртуального и реального исследуется квантовой механикой. Подобно тому как «высшие» функции оказывают обратное воздействие – вплоть до субатомного уровня (т.е. положения и момента), – квантовая неопределенность устанавливает прямую связь. Она поднимается по фрактальным бифуркациям, пронизывая наложенные друга на друга уровни реальности и их границы. На каждом уровне она возникает в уникальном режиме, адекватном

¹⁵ Великолепный анализ аффекта в терминах интенсивности, витальности, синестезии («амодального восприятия») и бессознательного самоощущения см. в: Stern D. *The Intra-personal World of the Infant: A View from Psychoanalysis and Developmental Psychology*. N.Y., 1985.

¹⁶ Simondon G. *L'individuation psychique et collective*. P. 149.

¹⁷ См., в частности: Deleuze J. *Difference and Repetition*. N.Y., 1994. P. 271–272; Deleuze J., Guattari F. *A Thousand Plateaus*. Minneapolis, 1987. P. 141.

¹⁸ Делёз обсуждает восприятие, мозг и материю в: Deleuze J. *Cinema 1: The Movement-image*. Minneapolis, 1986 в главах 1 и 3 (в связи с философией Бергсона). Делёз и Гваттари обнаруживают связь между мозгом и хаосом в заключении к: Deleuze J., Guattari F. *What is philosophy?* N.Y., 1994.

этому уровню. На уровне физических макросистем, рассмотренных Симондоном, этот режим будет потенциальной энергией и элементом «игры», которую она вводит в детерминистические системы (в обобщенном виде этот момент выражен в «проблеме трех тел», столь любезной сердцу теории хаоса). На биологическом уровне это момент неопределенности, сопровождающий каждое восприятие, который сливается с конвертируемостью одного чувства в другое. На уровне человека это такая же неопределенность, устанавливающая прямую связь с мышлением, как это показывает возможность деконструирования любой структуры идей (выраженная, например, в теореме Гёделя или *différance* Деррида). Каждый индивидуальный и коллективный человеческий уровень имеет свой «квантовый» режим. На физиологическом уровне к различным формам неопределенности в логических и означающих системах присоединяется эмоция, на политическом – сопротивление, призыв кризиса, преследующий капиталистические экономики и т.д. Эти режимы устанавливают прямые и обратные связи друг с другом, порождают отзвуки друг в друге, каждый – во всех.

Определение «квантовый» используется нами за пределами квантовой механики не как метафора (даже в области психологии человека). Каждый из уровней нуждается в рабочем понятии для объективной неопределенности, которая на субатомном уровне обозначается как «квантовая». Это предполагает анализ каждой формации как элемента так называемого *неявного порядка* (*implicate order*) (термин Дэвида Бома), который пересекает все уровни и дублируется на каждом из них¹⁹. Аффект – подходящий общий термин для любого взаимодействия между неявным и явным порядком²⁰. Возвращаясь к различию между физическим и биологическим: ясно, что не может быть четкой грани, отделяющей одно от другого, а также от человека. Аффект, как мысль или отражение, может быть распространен на любой уровень, при условии, что принята в расчет уникальная функциональность аффекта на этом уровне. Различие между мертвым, живым и человеком – это не вопрос формы или структуры и не вопрос свойств, которыми обладают материализации этих форм и структур, и не вопрос квалифицированных функций, выполняемых этими материализациями (т.е. их полезность или способность выполнять работу). Различия между родами вещей и уровнями реальности – это вопрос степени: способа, посредством которого режимы организации (такие как отражение) по-разному присутствуют на каждом уровне, за исключением предельных. Предельные уровни – это квантово-физический и человеческий, в том отношении, в котором он стремится

¹⁹ Bohm D., Hiley B.J. *The Undivided Universe*. L., 1993.

²⁰ Главное отличие между этой точкой зрения и взглядами Лоуренса Гроссберга заключается в том, что его подход не предлагает устойчивого различия между неявным и явным порядками (между виртуальностью и реальностью, интенсивным и экстенсивным). Меган Моррис не пользуется термином «аффект», но ее анализ функции телевизора в философском плане приближает ее подход к СМИ, к подходу, развиваемому здесь. В работе «*Ecstasy and Economics (A Portrait of Paul Keating)*» она описывает образ на экране как триггер «фазы усиления (*empowerment*)», которая также оказывается «переходом» или «транспортом» не между местами, но между местом и не-местом, «иным местом»: «экран... – не граница между сопоставимыми местами или пространствами... То, что зримо «существует» там, «погруженное» в сияние – только лишь «что», относительное местоимение, фрагмент языка, отношение, которое «описывают ваши слова». Это отношение – дружеское разногласие» (см.: *Morris M. Too Soon, Too Late: History in Popular Culture*. Bloomington, 1998. P. 90).

к божественному или принимает себя за божественное (так происходит, когда в игру вступают понятия вечности, самотождественности и сущности). Ни один из пределов нельзя охарактеризовать как существующий, хотя каждый из них может быть реальным, но совершенно разными способами: квантовый предел производит окончательную (effective) реальность, а божественный производится в конечном итоге (effectively) как фикция. Между ними пролегает континуум существования, разделенный на уровни или регионы потенциального, между которыми нет границ, только подвижные зазоры.

Как отмечает Симондон, все это делает затруднительным разговор о трансцендентности и имманентности²¹. Что бы мы ни делали, они рано или поздно превращаются друг в друга в результате своего рода спонтанного делезианского возгорания. Не так уж важно, понимаем ли мы поле существования (бытие и потенциал; реальное в отношении к виртуальному) как бесконечную интериорность или параллелизм взаимно экстериорного. В любом случае невозможно не обжечься. Спиноза не стал выбирать одно из двух: неделимая субстанция, разделяющаяся в параллельных атрибутах. В той мере, в какой трансцендентность и имманентность отсылают к пространственным отношениям – а это неизбежно, – они неадекватны для нашей задачи. Всегда необходим философский трюк в духе Спинозы. Секрет этого трюка заключается в принятии продуктивности парадокса²².

Все это – отсутствие четкой линии разделения между физическим, витальным, человеческим и сверхчеловеческим; неопределенность имманентности и трансцендентности – также имеет следствия в этической мысли. Общий мотив всех вариантов социального конструктивизма, доминирующих в современной теории культуры, таков: все, в том числе и природа, конструируется в дискурсе. Классическое определение человека как разумного животного приобретает новую форму: человек как болтливое животное. Только животное здесь помещается в скобки: человек как болтовня культуры. Так устанавливается жесткое разделение между человеком и не человеком: после Лакана общим местом стало превращение языка в человеческий заповедник (невзирая на болтливых обезьян). Однако утверждать, что квантовый уровень преобразуется нашим восприятием, – не то же самое, что говорить «он существует только в нашем восприятии»; высказывание «природа конструируется дискурсом» необязательно означает, что природа находится *внутри* дискурса. Социальный конструктивизм легко приводит к культурному солипсизму, аналогичному субъективистской интерпретации квантовой механики. В худшем сценарии солипсизма природа оказывается имманентной культуре (как ее конструирует). В лучшем – природа приобретает

²¹ Simondon G. L'individuation psychique et collective. P. 156.

²² Несмотря на принятие двусмысленности терминов «имманентное» и «трансцендентное» во многих местах этой книги, «имманентность», тем не менее, будет получать большую поддержку по стратегическим причинам, связанным с историей западной философской и политической мысли, а также вслед за Делёзом. «Продуктивно-парадоксальная» процедура, которая используется для работы с проблемой сигналов у Симондона во избежание опасности ее перевода в пространственные термины, будет сопрягать это понятие с темпоральными по форме понятиями процесса и самореференции (имманентное понимается не как имманентность чему-нибудь, а как свойственный процессу собственный потенциал варьирования), при этом сохраняя коннотацию с пространственным (имманентность процесса как «пространство» изменения как такового).

статус чего-то недостойного внимания и просто отбрасывается в сторону. В этом случае она по умолчанию представляется как трансцендентная по отношению к культуре (как ее инертный и бессмысленный придаток). Но может быть различие между лучшим и худшим вариантом не такое, как предполагалось изначально. Ведь в обоих случаях природа как приращение (*naturing*), природа, наделенная своей собственной динамикой, стирается. Теоретические ходы, направленные на смерть Человека, умирают, превращая человеческую культуру в меру и смысл всех вещей, в своего рода сорвавшийся с цепи антропоморфизм, препятствующий, например, соединению теории культуры с экологией. Бессмысленно исследовать отношение между человеком и нечеловеческим, если нечеловеческое – лишь конструкт человеческой культуры или инертность. Понятия природы и культуры требуют значительной переработки, таким способом, который выражал бы несводимую *инаковость нечеловеческого* в активном соединении с человеческим и через него, и наоборот. Пусть материя остается материей, мозги – мозгами, медуза – медузой, а культура будет природой, находящейся в несводимых отношениях инаковости и бесконечных соединений.

И последнее замечание: обратное воздействие «высших» функций может проявляться, например, как использование нарратива в эссе о гибели нарратива.

III

Следующая история.

Прошлая история была о мозге. Эта – о безмозглom. Его имя – Рональд Рейган. История взята из известной поп-нейропсихологической книги Оливера Сакса²³.

Сакс описывает просмотр телевизионной трансляции речи «великого коммуникатора» в больничной палате для пациентов с двумя разновидностями когнитивной дисфункции. Некоторые из них страдали от общей афазии, неспособности понимать слова как таковые. Тем не менее они могли понимать большую часть сказанного, поскольку развили исключительную компенсаторную способность к интерпретации невербальных знаков: интонаций, выражений лица и других элементов языка тела и жестов. Другие пациенты в палате страдали от так называемой тональной агнозии, которая является противоположностью афазии: пропадает способность понимать интонации голоса и вместе с ней – другие невербальные знаки. Язык сводится к своей грамматической форме и семантическому или логическому содержанию. Ни одна из групп не вошла в число сторонников Рейгана. Фактически, речь сопровождалась раскатами смеха и проявлениями возмущения. «Великий коммуникатор» не справлялся с задачей убеждения. Пациенты с афазией утверждали, что он был функционально неграмотным в использовании невербальных знаков: язык его тела поразил их своей инертностью. В конце концов, Рейган был вышедшим в тираж плохим актером, и к тому же стареющим. Страдающие агнозией были возмущены тем, что оратор не может составить грамматически верное предложение или довести хотя бы одну мысль до логического завершения. Рейган показался им интеллектуально

²³ Sacks O. The Man Who Mistook His Wife for a Hat. L., 1985. P. 76–80.

неполноценным (следует уточнить, что это было задолго до того, как у него проявились симптомы болезни Альцгеймера – что это говорит о различии между нормой и дегенеративным повреждением?).

Все это может стать неожиданностью для тех, кто мыслит о Рейгане и других звездах политики постмодерна как о харизматических лидерах, чье владение жестовым и тональным репертуаром позволяет гипнотизировать массы, заставляя их с помраченным взором принимать на веру содержание сладкозвучных слов. Напротив, поразительно, что Рейгана не только не прогоняли с трибуны с насмешками и издевками, но и дважды избирали президентом. Не то чтобы люди не слышали огрехи его речи и не обращали внимания на несвязность его мыслей – то и другое неизменно становилось предметом шуток в новостных сюжетах. И не то чтобы недостаток вербальной связности он компенсировал соблазном, исходящим от образа его тела. Полипы Рейгана прославились больше, чем его манера держать себя: публика была увлечена скорее его неустойчивым здоровьем, его склонностью постепенно разваливаться на куски. Единственный возможный вывод заключается в том, что Рейган был успешным лидером не вопреки, а благодаря этой двойной дисфункции. Он мог производить идеологические эффекты неидеологическими средствами – совершал глобальный сдвиг в политике США, разваливаясь на куски. Его средства были аффективными. Повторю: аффективное противоположно эмоциональному. Оно не связано с эмпатией, идентификацией на эмоциональном или каком-либо другом уровне²⁴.

Рейган политизировал власть мима. Это власть прерывания. Мим разделяет движение на составляющие, раскладывает его непрерывность на потенциально бесконечную серию под-движений, акцентированных резкими жестами. При каждом из них, при каждом разделении движения, присутствует потенциал смены направления, превращения в другое движение. Каждый резкий жест отсрочивает непрерывность движения на долю секунды, слишком краткую для полноценного восприятия, но достаточную для того, чтобы обозначить возможность смены направления. Так в осуществляемое движение внедряются потенциальные движения, присутствие которых каким-то образом проявляется без актуализации. Иными словами, каждый резкий жест – это критическая точка, точка сингулярности, точка бифуркации. В этой точке мим внедряет почти неразличимую вспышку виртуальности в актуальное движение. Гений мима – это удача плохого актера. Жестовый идиотизм Рейгана производил эффект мима. Как и его вербальная бессвязность в регистре значения. Он производил резкие жесты коммуникации. Два уровня прерывания, уровень линейного движения и конвенциональных последовательностей значения удерживались вместе одним качеством

²⁴ По этим и другим темам, включая натуралистические подробности распада Рейгана, см.: *Dean K., Massumi B. First and Last Emperors: The Absolute State and the Body of the Despot.* N.Y., 1992. Утверждение о том, что идеология, как и любая другая актуальная структура, производится операциями, осуществляющимися на другом, внешнеположном уровне, следуя другой логике, – лишь напоминание о том, что нужно брать в расчет вкладывание, или то, что Дэвид Бом называет «неявным порядком». Это необходимо для того, чтобы избежать захвата и завершения в плане сигнификации. Это также указывает на степень открытости идеологии на разнородные по отношению к ней структуры, какими бы абсолютистскими они ни были. Это жест, указывающий на концептуальное освобождение сопротивления во взаимосвязи с реальным. Идеология понимается здесь и в общепринятом значении структуры убеждений, и в культурно-теоретическом смысле, как обращение (*interpellation*), ориентирующее субъекта.

Рейгана, которое, как мне кажется, производило положительное впечатление: тембр его голоса, этого прекрасного, вибрирующего голоса. Две параллельные линии абстрактной отсрочки вступали в резонанс. Его голос воплощал этот резонанс. Он воплощал абстракцию. Это было воплощение неозначающей интензивности, удваивавшее каждое актуальное движение и фразу Рейгана, следовавшее за ним, как тень мима. Это была непрерывность его прерываний²⁵.

Рейган ввел виртуальное в политику постмодерна. Сам по себе он не был даже подобием идеолога. Он был никем – идиотизм с музыкальным сопровождением бессвязности... Хотя, пожалуй, это не совсем справедливо. Он представлял собой зарождение. Он был неквалифицированным, не имел содержания. Но осуществляемое им зарождение продлевалось технологиями передачи образов, а затем транслировалось такими аппаратами, как семья, церковь, школа или торговая палата, которые совместно со СМИ выступали в качестве элементов нервной системы новой и пугающе реактивной политики телесности. Получатели наделяли зарождение Рейгана квалификацией и содержанием. Принимающие аппараты выполняли тормозящую, ограничивающую функцию. Они выбирали одну линию движения, одну последовательность значений для актуализации и локального внедрения. Вот почему Рейган был таким разным для разных людей; вот почему большинство избирателей не соглашались с ним по основным вопросам и все-таки голосовали за него. Потому что он становился актуальным в их непосредственном окружении, в движении и значении, выбранными ими – или, во всяком случае, выбранными за них с их согласия. Он был материалом для всевозможных подавлений. Часто отмечалось, что он управлял государством, прежде всего, распространяя дух уверенности в себе. Несмотря на дисфункции, таким был эмоциональный тон его политики. Уверенность – это эмоциональный перевод аффекта как *доступного для захвата* жизненного потенциала; это единичное эмоциональное выражение и осознание односторонне воспринятой витальности. Рейган транслировал витальность, виртуальность, тенденцию через болезнь и прерывание. («Я теперь главный», – кричал генерал, когда Рейгана подстрелили. На самом деле, нет.) Актуализации, транслировавшие зарождения Рейгана, были разнообразными. Но за исключением случаев циников и страдающих афазией или агнозией, они всегда включали компонент самонадеянной уверенности в себе – принадлежащей предположительно суверенному индивиду, коронованному идиотизмом и бессвязностью, в предположительно великой стране. Иными словами, для разных людей Рейган был разным, но эти различия не выходили за границы аффективного шовинизма. Самоуверенность – это апофеоз захвата аффекта. Становясь функционализированным и национализированным, он дает начало строительству тюрем и неокOLONиальной авантюры.

Сейчас, после Рейгана, жутко интересен вопрос о том, в какой степени в нем воплощались процессы, которые можно назвать прирожденными признаками позднекапиталистической экономики, основанной на образах и информации. Поразмышляйте о событиях образа/выражения, которые кишат повсюду, о прерываниях, о резких сменах кадров в клипах или в телевизионной рекламе. О резком переходе от телепередачи к рекламе. О разрывах между передачами и рекламой, когда мы переключаем каналы, чтобы не смотреть

²⁵ О мимах см.: *Gil J. Metamorphoses of the Body*. Minneapolis, 1998. P. 101–104.

рекламу. О рассеянности телезрителя, о постоянных скачках [внимания] от экрана к его непосредственному окружению и контексту просмотра, когда другие действия осуществляются конвульсивно и начинаются с конвульсий внимания. О восхитительных, абсурдных наложениях, случающихся во время интернет-серфинга. О бомбардировке рекламными образами с экранов на каждом шагу нашей повседневной рутины. Об объекте-потребителе, взаимодействующем с образами так, что время товарооборота стремится совпасть с периодом смены стилей. Повсюду – разрыв, отсрочка-зарождение. И, может быть, виртуальность?

Аффект – это ключ к переосмыслению постмодернистской власти после идеологии. Несмотря на то что идеология все еще с нами, зачастую в самых вирулентных формах, она перестала быть всеохватывающей. Она больше не определяет общий режим функционирования власти. Она стала одним из режимов власти внутри обширного поля, которое, в конечном счете, не определяется идеологией²⁶. Это делает еще более важной проблему соединения идеологии с реальными условиям ее эмерджентности. Ведь теперь эти условия обнаруживаются в пантомимах людей, наделенных властью. Один из способов осмысления неидеологических средств производства идеологии может включать понятия *индукции* и *трансдукции*: первое означает запуск процесса квалификации, ограничения, актуализации, второе – передачу импульса виртуальности от одной актуализации к другой, вплоть до всей их совокупности (Гваттари называет это трансверсальностью). Трансдукция – это передача силы потенциала, которую невозможно не ощутить и, следовательно, удвоить, подпитать и, в конечном итоге, противопоставить ограниченным выборкам аппаратов актуализации и внедрения²⁷. Это можно назвать аналоговой теорией власти, основанной на образах: образы как передатчики сил эмерджентности, как средства экзистенциального потенцирования и переноса. И в этом случае также обнаруживаются выдающиеся предшественники, в частности Вальтер Беньямин: его понятие шока и бомбардировки образами, его аналитика неопосредованного прошлого-будущего, которое он называл «диалектическим образом», его интерес к мимам и мимикрии, его привязанность к способности зрения – все это может внести значительный вклад в аффективную теорию позднекапиталистической власти²⁸.

К этому моменту могло возникнуть впечатление, что аффект здесь преподносится так, будто он может вместить в себя весь мир. В каком-то смысле это верно. Аффективные «атомы», которыми насыщены мимические

²⁶ Одно из рассмотрений этого более широкого поля функциональности см. в: *Deleuze G. Postscript on Control Societies // Deleuze G. Negotiations, 1972–1990. N.Y., 1995. P. 177–182.* См. также: *Massumi B. Requiem for Our Prospective Dead: Towards a Participatory Critique of Capitalist Power // Deleuze and Guattari: New Mappings in Politics, Philosophy, and Culture. Minneapolis, 1998. P. 40–63.*

²⁷ Понятие трансдукции позаимствовано из работы Жильбера Симондона с небольшими изменениями.

²⁸ См. цитаты из Бак-Морсс в примечании 18 выше, а также: *Benjamin W. On the Mimetic Faculty // Benjamin W. One Way Street. L., 1985. P. 160–163.* См. также: *Taussig M. Tactility and Vision // The Nervous System. N.Y., 1992. P. 141–148.* Михаил Бахтин также разрабатывает аналоговую теорию языка и образа, в которой ярко проявляются синестезия и вкладывание контекста, которые обсуждались здесь ранее: *Bakhtin M.M. The Problem of Content, Material, and Form in Verbal Art // Bakhtin M.M. Art and Answerability: Early Philosophical Essays. Austin, 1990. P. 257–325.*

жесты власти, – это монады, индуктивные/трансдуктивные виртуальные перспективы, угасающие во всех направлениях до бесконечности, отделенные друг от друга подвижными зазорами²⁹. Они автономны не благодаря [своей] завершенности, а благодаря сингулярной открытости. Будучи неопределенными «регионами» в неограниченном аффективном поле, они находятся в тесной связи с целой вселенной аффективного дальнего действующего потенциала. Поэтому у них нет внешнего, хотя они и распределяются в соответствии с потенциалами, которые отобраны для выражения (перехода в воздействие), когда их регион становится актуальным. Этот переход в актуальность – ключевой момент. Аффект – это целый мир только с точки зрения различающей его эмерджентности. Как именно истолкован элемент виртуальности – как прошлое или будущее, внешнее или внутреннее, трансцендентное или имманентное, возвышенное или низменное, дискретное или непрерывное, – по большому счету не имеет значения. Аффект остается всеми этими вещами, по-разному в разных ситуациях. Концепты виртуального в себе важны только в той мере, в какой они дают прагматическое понимание эмерджентности, делают возможным запуск изменений (появления нового). Имеет значение только предел виртуального, где оно протекает в реальное. И на этом сквозящем пределе как раз и обнаруживается потенциал.

Сопротивление, очевидно, не будет неотъемлемой частью восприятия образа в позднекапиталистических культурах. Но воздействие СМИ и других медиа, основанных на образе и информации, невозможно истолковать в терминах нехватки: затухания аффекта, потери веры или отчуждения. СМИ наделены множеством потенциалов, но они подавлены; эмерджентность потенциала и его ограничение входят в культурно-политическую функцию медиа во взаимосвязи с другими аппаратами. Медиапередачи – бреши в неопределенности. Чтобы они оказывали какое-нибудь *определенное* воздействие, необходимы аппараты актуализации и внедрения (семья, церковь, школа, торговая палата и многие другие), которые должны определить это воздействие, подключаясь к медиа для преобразования продуктов собственного производства. Необходимость актуализации медиапередач имеет силу для реактивной политики настолько же, насколько и для политики сопротивления, и это значит, что нужно новое понимание тела в его отношении к сигнификации и идеальному или бестелесному. Крайне правые (во всяком случае, в Северной Америке) лучше приспособлены к потенциалам образа тела эпохи постмодерна, чем левый истеблишмент, и уже по меньшей мере два десятилетия пользуются этим преимуществом. Философии аффекта, потенциального и актуализации могут помочь в создании тактики противодействия.

²⁹ Бом и Хайли используют голографическую метафору, чтобы выразить монадическую природу «неявного порядка», «вложенного» в явный порядок (Bohm D., Hiley B.J. The Undivided Universe. P. 353–554).

IV

Последняя история:

В Белом доме человек пишет проект реформы здравоохранения. Он начинает таять под лучами медиа. Человек относит проект на холм [Капитолия], где он продолжает таять. Человек не прощается.

И, несмотря на то, что экономические индикаторы демонстрируют несомненное восстановление экономики, рынок ценных бумаг падает. Телекомментаторы объясняют это, ссылаясь на чужие впечатления. «Пустая болтовня» человека из нашей истории по другим темам подорвала уверенность публики в нем и теперь влияет на реформу здравоохранения. Возникает обеспокоенность тем, что президент Клинтон уже не производит «президентского» впечатления. Какое отношение это имеет к состоянию экономики? Расходясь в кругах тех же комментаторов мудрость гласит, что реформа здравоохранения может повредить экономике. Трудно понять, почему рынок не разворачивается *вверх* после новостей о «не достойном президента» провале того, что многие «лидеры мнений» называли дорогостоящей социальной программой, несовместимой с экономической политикой прошлой администрации (которой ставят в заслугу начало экономического восстановления). Однако этот вопрос никого не заботит, поскольку комментаторы исходят из мысли о том, что фондовый рынок регистрирует аффективные колебания в смежных сферах лучше, чем собственно экономические индикаторы. Комментаторы впали в заблуждение? Нет, если верить некоторым экономистам, которые объясняют широкой публике основания капиталистической монетарной системы через «веру»³⁰. Какую причину инфляции в позднекапиталистической экономике выделяют эти эксперты? «Мировоззрение», говорят они, в котором предчувствия становятся самоисполняющимися пророчествами, способными изменять «реальные» условия³¹.

Способность аффекта производить экономическое воздействие быстрее и увереннее, чем сама экономика, указывает на то, что аффект – это реальное условие, неотчуждаемое свойство позднекапиталистической системы, настолько же важное для ее инфраструктуры, как и фабрика. На самом деле, аффект не ограничивается инфраструктурой, в конечном итоге распространяясь повсюду. Его способность воспроизводиться, переключаться между реальностями и производить воздействие в каждой из них наделяет его метафакториальной вездесущностью. Его нельзя назвать инфраструктурным. Он – трансверсальный.

Фактичность аффекта должна быть учтена теориями культуры и политики, и это факт. Не забывайте [об этом].

Перевод с английского Г.Г. Коломийца

Коломиец Глеб Геннадиевич – кандидат философских наук, независимый исследователь; e-mail: ardor@list.ru

³⁰ Heilbroner R., Thurow L. Economics Explained: Everything You Need to Know about How the Economy Works and Where It Is Going. N.Y., 1994. P. 138: «За деньгами стоит центральное требование веры. Деньги выполняют свою незаменимую функцию, только когда мы верим в них, и перестают выполнять ее, как только наша вера иссякает».

³¹ Ibid. P. 151.

The autonomy of affect

Brian Massumi

University of Montreal. 90 Avenue Vincent-D'Indy, Outremont, QC, H2V 2S9, Canada; e-mail: brian.massumi@umontreal.ca

The essay by B. Massumi, also included in his book "Parables for the Virtual" as the first chapter, deals with the analysis of affect as a category of cultural theory. Building upon the results of several scientific experiments, the author analyzes the physiological manifestations of affect and shows that the mechanism of its functioning cannot be described within the framework of the semiotic approaches that dominate in cultural theory. There is an insurmountable gap between the levels of affective reactions of a body and linguistic qualifications of consciousness. Complementing the results with thematically similar concepts developed by A. Bergson, J. Deleuze, J. Simondon and B. Spinoza, the author formulates the theory of affect, which characterizes it as a pre-individual, linguistically unqualified, virtual, and autonomous entity dwelling in the field of emergence and accompanying perceptions and emotions. Such an interpretation of affect allows the author to analyze the political and media effects produced by R. Reagan and B. Clinton, marked as paradoxical by dominant cultural theories. By analyzing these cases in terms of the affect, the author demonstrates the paramount importance of the affective for postmodern politics and identifies ways to develop alternatives to the dominant methods of political mobilization of affect.

Keywords: affect, Bergson, Deleuze, politics of postmodern, semiotics, Simondon, Spinoza, theory of culture

For citation: Massumi, B. "Avtonomiya affekta" [The autonomy of affect], trans. by G.G. Kolomiez, *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 3, pp. 110–133. (In Russian)

Список литературы / References

- Bakhtin, M.M. "The Problem of Content, Material, and Form in Verbal Art", in: M.M. Bakhtin, *Art and Answerability: Early Philosophical Essays*, trans. by V. Liapunov and K. Brostrom. Austin: University of Texas, 1990, pp. 257–325.
- Benjamin, W. "On the Mimetic Faculty", in: W. Benjamin, *One Way Street*, trans. by J.A. Underwood. London: Verso, 1985, pp. 160–163.
- Bergson, H. *Creative Mind*, trans. by M.L. Audison. New York: Philosophical Library, 1946. 308 pp.
- Bergson, H. *Matter and Memory*, trans. by N.M. Paul and W.S. Palmer. New York: Zone Books, 1988. 288 pp.
- Bohm, D. & Hiley, B.J. *The Undivided Universe*. London: Routledge, 1993. 397 pp.
- Buck-Morss, S. "Dream-World of Mass Culture: Walter Benjamin's Theory of Modernity and the Dialectics of Seeing", *Modernity and the Hegemony of Vision*, ed. by M. Levin. Berkeley: University of California Press, 1993, pp. 309–338.
- Dean, K. & Massumi, B. *First and Last Emperors: The Absolute State and the Body of the Despot*. New York: Autonomedia, 1992. 208 pp.
- Deleuze, G. *Cinema 1: The Movement-image*, trans. by H. Tomlinson and B. Habberjam. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. 250 pp.
- Deleuze, G. *Difference and Repetition*, trans. by P. Patton. New York: Columbia University Press, 1994. 350 pp.
- Deleuze, G. "Postscript on Control Societies", in: G. Deleuze, *Negotiations, 1972–1990*, trans. by M. Joughlin. New York: Columbia University Press, 1995, pp. 177–182.
- Deleuze, G. & Guattari, F. *A Thousand Plateaus*, trans. by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. 610 pp.

- Deleuze, G. & Guattari, F. *What is philosophy?*, trans. by H. Tomlinson and G. Burchell. New York: Columbia University Press, 1994. 253 pp.
- Gil, J. *Metamorphoses of the Body*, trans. by S. Muecke. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. 333 pp.
- Grossberg, L. *We Gotta Get Out of This Place: Popular Conservatism and Postmodern Culture*. New York: Routledge, 1992. 448 pp.
- Guattari, F. *Chaosmosis: An Ethico-Aesthetic Paradigm*, trans. by P. Rains and J. Pefanis. Bloomington: Indiana University Press, 1995. 144 pp.
- Heilbroner, R. & Thurow, L. *Economics Explained: Everything You Need to Know about How the Economy Works and Where It Is Going*. New York: Simon & Schuster, 1994. 240 pp.
- Horgan, J. "Can Science Explain Consciousness?", *Scientific American*, 1994, Vol. 271, No. 1, pp. 88–94.
- Jameson, F. "The Cultural Logic of Late Capitalism", in F. Jameson, *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1991, pp. 1–54.
- Libet, B. "Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action", *Behavioral and Brain Sciences*, 1985, Vol. 8, Issue 4, pp. 529–539.
- Massumi, B. "Requiem for Our Prospective Dead: Towards a Participatory Critique of Capitalist Power", *Deleuze and Guattari: New Mappings in Politics, Philosophy, and Culture*, ed. by E. Kauffman and K.J. Heller. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998, pp. 40–63.
- Massumi, B. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Durham; London: Duke University Press, 2002. 336 pp.
- Morris, M. *Too Soon, Too Late: History in Popular Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1998. 310 pp.
- Sacks, O. *The Man Who Mistook His Wife for a Hat*. London: Picador, 1985. 257 pp.
- Simondon, G. *L'individu et sa genèse physico-biologique*. Paris: PUF, 1964. 304 pp.
- Simondon, G. *L'individuation psychique et collective*. Paris: Aubier, 1989. 293 pp.
- Spinoza, B. "Ethics", in: B. Spinoza, *Collected Works*, Vol. 1, ed. and trans. by E. Curley. Princeton: Princeton University Press, 1985, pp. 408–621.
- Stern, D. *The Imerpersonal World of the Infant: A View from Psychoanalysis and Developmental Psychology*. New York: Basic Books, 1985. 304 pp.
- Sturm, H. *Emotional Effects of Media*, ed. by G.J. Robinson. Montreal: McGill University Graduate Program in Communications, 1987. 59 pp.
- Taussig, M. "Tactility and Vision", in: M. Taussig, *The Nervous System*. New York: Routledge, 1992, pp. 141–148.